

The background of the cover is a painting in a soft, painterly style. It depicts a rural scene. In the foreground, a large herd of sheep, mostly white with some brown patches, is gathered on a muddy, brownish ground. Behind them, a rustic wooden house with a tiled roof is visible. The house has a weathered appearance with various shades of brown and grey. To the right of the house, a person wearing a red jacket and a hat is partially visible, standing near a wooden structure. The overall atmosphere is quiet and pastoral. The text is overlaid on the upper half of the image.

Юлия Тимур

Записки новичка
из петушино-
цитруссового рая

Юлия Тимур

**Записки новичка
из петушино-цитрусового рая**

«Издательские решения»

Тимур Ю. Б.

Записки новичка из петушино-цитрусового рая / Ю. Б. Тимур —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501718-5

Записки новичка — это впечатления человека, долгое время живущего в Турции, вне зоны «все включено», написанные с иронией по отношению к самому себе и с симпатией к местным жителям. Они о том, как добрые дела и желание понять соседа побеждают предвзятость и высокомерие.

ISBN 978-5-00-501718-5

© Тимур Ю. Б.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Записки новичка из петушино-цитрусового рая	9
Мороз ахметович	28
Таня-ханым	31
Ахмет-фотограф	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Записки новичка из петушино-цитрусового рая

Юлия Борисовна Тимур

© Юлия Борисовна Тимур, 2019

ISBN 978-5-0050-1718-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Я долго думала о том, каким должно быть вступительное слово к этой книге. Сначала хотела предложить написать о моей книге кому-то из известных литераторов или критиков. Но появились сомнения в корректности подобной просьбы: ведь это мои личные впечатления о жизни в Турции, записанные в форме своеобразного дневника, ироничного, без фальшивых нот и претензий на уникальность.

И все-таки не хотелось совсем оставить книгу без комментариев, и эта мысль не давала мне покоя, а решение пришло неожиданно, как это часто бывает.

Дело в том, что в 2018 году «Записки новичка из петушино-цитрусового рая» были опубликованы в американском литературно-художественном альманахе «Новый континент», который издается на русском языке (спасибо главному редактору журнала Зинаиде Вилькоричкой!), и уже тогда я получила отзывы читателей на этот рассказ, с которыми и хочу Вас познакомить.

Теперь все совпало – пускай откровения читателей займут важную страницу в этой книге, не нарушая форму доверительной беседы, в которой и написаны рассказы.

Юлия Тимур

«Ваши эссе – это маленькие жемчужины. В них нет ничего лишнего, они гениально просты и моментально переносят в другое место и время, заставляя ощутить все те запахи и вкусы, о которых повествуют»

Юлия Ябар.

«Как приятно читать написанное с такой наблюдательностью и мягким юмором повествование и рассматривать прекрасные акварели!»

Ирина Мотобрыцева.

«Очень живой текст, читала без пауз, почему-то думала, что вы писали его быстро, очень яркие чувства, пусть и тревожные... все понимаю... входить в другую жизнь с „чужими“ устоями, культурой. Это и чуть-чуть и о вас...»

Нина Новикова.

«Очень легко читается, хорошая ирония... я как будто и раньше Вас читала. Так же легко читается Екатерина Вильмонт, нет, я не сравниваю Вас с ней, просто пришло на ум, жду продолжения.»

Марина Митева

«Огромное спасибо за юмор, оптимизм, которые помогают улыбаться и не унывать! За умение сочувствовать, сопереживать стоящему рядом, жалеть и откликаться на чужую беду, скрываемую от чужих глаз; за умение зорко всматриваться в существующий поблизости мир; за палитру ваших чувств и языка; за удивительные стихи, бередящие душу!»

Алла Орлова

«Приятно читать Юлию Тимур, а заодно рада за ее писательский успех и признание. В прозе ее повествований есть место романтике, маленьким чудесам, и обязательному хорошему концу в историях. А иллюстрации к ним – это просто вишенка на торте для ее поклонников. Писать так, что читатель чувствует себя на „месте событий“ и сопереживает им, как будто родным и близким людям – это тоже получается у Юлии на отлично. И вообще, я люблю истории с обязательным хеппиэндом. Успехов дальнейших и новых работ ей в творчестве!!!»

Рута Азиз

«Прекрасные рассказы! Читаются на одном дыхании. Эти рассказы написаны иностранкой о жизни местного населения, как бы взгляд изнутри и со стороны. Читая их, я, постоянно проживающая в Турции иностранка, заново переосмысливаю некоторые бытовые ситуации, по-новому для себя вижу психологические портреты местного населения, учусь понимать их переживания. Сюжеты рассказов так захватывают воображение, что даже после прочтения, долго не отпускают тебя и занимают твои мысли: сопереживаешь им, с удивлением обнаруживаешь общее в характерах людей разных национальностей, находишь точки соприкосновения, одновременно выделяя для себя различия, диктуемые национальными традициями и обычаями.»

Гюлия Вагапова

«Такая проза-это подарок! Отдыхает душа, ты отключаешься от реальности, точная передача ощущений „здесь-и-сейчас“. Спасибо автору!!!»

Елена Трякина

«Только смогла найти время для продолжения чтения «Мороза Ахметовича». Прочитала на одном дыхании и эту главу. Помимо вашего неоспоримого таланта, Юлия, свою недюжинную лепту вносит именно ВАШ взгляд изнутри с обеих сторон». Т.е. вы мастерски описываете близкие и понятные всем нам (русскоязычным, вышедшим замуж за турок) переживания и сомнения Тани и ее семьи, и точно так же органично – устои и менталитет простой турецкой семьи, которые тоже знаете не понаслышке, так как живёте с ними бок о бок долгие годы. Именно это прекрасное знание «материала» и искренность в изложении и делают ваши рассказы (все, и этот в частности) такими близкими и самобытными. Спасибо вам. Читаю дальше...»

Тамилла Акташ

Рассказ «Лепестки её счастья»

«Юлечка, ничего более пронзительного у Вас не читала, простите, если я ошибаюсь. Это какой-то новый уровень. Даже слов не могу подобрать, насколько это потрясающе!

И картина! Все-все совпало, все сошлось и получилась притча о материнской любви.

И пусть это не стихи, но как не вспомнить Ахматову: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда.» Из простых слов – так волшебнo!»

Ирина Эндер

«Я открыла Юлию Тимур неожиданно, как френдессу моей сестры. Но нет случайностей во Вселенной. Юлия – человек мира, она принимает мир со всеми его красками и как писатель, и как художник.

Читая ее новеллы, рассказы, иллюстрированные ее же картинками, растворяешься в них и теряешь восприятие реальности.

Для меня она открытие, потому что, я мало читаю современников. Ее новеллы – это откровения человека живущего рядом с нами, дышащего тем же воздухом. Для меня это очень ценно.

Произведения читаются на одном дыхании, со всеми запахами цитрусового рая, перекликающихся петухов.

Всегда жду её новых произведений и желаю ей удачи и в жизни, и в творчестве.»

Наза Ю.

«Просто возьмите в руки эту книгу (впрочем, я так могу сказать о любой Юлиной книге, она пишет с душой и сердцем!) и почитайте, сами не заметите, как вас унесет, возможно, что

в совсем для вас незнакомый мир, а прекрасные иллюстрации помогут вам лучше разобраться в этом увлекательном, и в то же время, очень каждодневном и, как бы, обыденном, отрезке времени жизни героев этих новелл, взрослых и детей, так что это для всех нас, и сами не замечайте, как станете участником всех этих событий, или же равнодушным зрителем! Так это было со мной!»

Красикова Ирина

Записки новичка из петушино-цитрусового рая

Здесь яркие цвета и аромат садов.
А горы с морем рай нам обещают.
Но если новизны принять ты не готов,
То райские улады не пленяют...

– Ты посмотри, какая природа вокруг: горы, покрытые сосновым лесом, цитрусовые сады! Ты представляешь, как здесь красиво весной, когда все зацветает? Какие это ароматы! А воздух, нет, такого чистого воздуха ты вряд ли где-нибудь найдёшь!

– Да здесь повсюду прекрасный воздух! Но есть места и поближе к морю, – пытаюсь я найти изыскания в этом живописном месте.

– А зачем тебе море? Нет, я понимаю, что если бы было можно проснувшись по утру, распахнуть ставни и любоваться восходом светила из пены морской, то это – да! Но на побережье свободных домиков практически не осталось, а если и есть, то цена на них недостижимая. Да и плавать в море ты особо не любишь.

У мужа всегда много контраргументов и при желании убедить он может кого угодно.

Да, плавать я не люблю. Здесь даже спорить не приходится. Тянется моя боязнь воды из детства и связана она с двумя неудачными, слава богу, попытками утонуть. Первая – случилась в аквапарке. Конечно, спуск с водных горок происходил под контролем родителей, но, то ли водный поток, щедро лившийся с горки был слишком стремительным, то ли я оказалась неожиданно очень проворной, но съехавший первым по водной горке отец, долго с удивлением нырял под воду, пытаясь обнаружить субтильную пятилетнюю девицу, меня. После нескольких бесплодных попыток нащупать дочь под водой на смену его удивления пришла паника, и к поискам потерянного дитя присоединились другие очевидцы события. Все закончилось удачно: меня, испуганную и нахлебавшуюся воды, извлекли из пучины, но вопрос, как я умудрилась пролететь мимо спасительных и заботливо распахнутых мне навстречу отцовских рук, и поныне не находит ответа.

Эпизод забылся, и любовь к воде не пострадала бы, если не еще одно водное приключение, случившееся со мной через пару лет после того знакового посещения аквапарка, в деревне у бабушкиной родни.

Лето, каникулы, тепло, даже жарко по нашим не южным меркам и, конечно, все стремятся к воде, к славной мелкой речушке, предлагающей взрослым и детям свои освежающие забавы. Все купаются и я не исключение. На мне небольшой, совсем не по размеру, спасательный круг, но главное, что он есть, утешаю я себя, так как плавать так и не научилась. Детвора поднимает брызги вокруг себя, делает невероятные кульбиты на воде. Я стараюсь не отставать от них, но неожиданно для себя проскальзываю в отверстие круга, не до конца – мои ноги застревают в нём. В итоге круг держит на поверхности воды не мое субтильное тело, а мои ноги: голова и тело полностью погружены в воду, а на поверхности речушки, словно поплавки, торчат мои голени, которыми я бешено колочу по воде. О последнем обстоятельстве поведали спасатели, которые в связи с повышенной активностью моих конечностей, никак не могли быстро высвободить «утопающую» из тесных объятий круга, ставшего для меня капканом.

Мои начавшиеся было водные симпатии окончательно и бесповоротно перешли в стадию устойчивой фобии, сопровождающей меня и поныне.

– О чём ты задумалась? – спрашивает муж. – Пока я живописую тебе местные красоты, похоже, ты меня не слышишь?

– Слышу-слышу, пожалуй, ты прав! Жить нужно поближе к горам, а к морю, когда очень захочется, можно и проехать на автобусе или пешком дойти до него. В конце концов, пешие прогулки весьма полезны. Сам Лев Николаевич Толстой проходил по пять километров в день и считал это залогом крепкого здоровья.

– О, Толстой, – тут же перебивает меня муж, – его «Анна Каренина» – это классическая вещь, которая помогает понять душу русской женщины.

Тут уж я прерываю распалившегося супруга:

– Правда, в одну из таких прогулок Лев Николаевич ушёл очень далеко и больше не вернулся ни к жене, ни к детям.

– Это ты о чём? – искренне недоумевает муж

– Да так, о странностях мужского восприятия женской души. Кстати, улица по которой мы идем, называется «Чамарасы» (с тюрк. буквально «посреди сосен»), а сосен меж тем нигде не видно, – перевожу разговор из философской в бытовую плоскость.

Вместе оглядываемся вокруг и не находим обещанных сосен.

– А-а-а, возможно, имеются ввиду сосны, которые растут в горах? А горы нас окружают со всех сторон, – миролюбиво высказывает свою версию муж.

– Возможно, – задумываюсь я и вспоминаю красивые названия здешних улиц, немного чуждые моему городскому восприятию: «медовый камень», «чёрный камень», «улица роз», «весенняя улица» – романтика повсюду, даже в названиях улиц! Маленькие домики здесь окружают апельсиновые сады; нежные с виду, но ядовитые кустики разноцветного олеандра опоясывают заборы; то там, то здесь свешиваются гроздья медовой глицинии, благоухающей по весне; по обочинам дорог расположились раскидистые деревья акации серебристой или мимозы с желтыми феерверками мартовских цветов по всей длине веток; местами встречаются трепетные кустики айвы, персиковые и абрикосовые деревья, по-особому прекрасные в период активного сокодвижения: именно в этот момент на темно-коричневых безжизненных ветках распускаются розовые, белые, лососёвые цветы, предшествующие появлению мятной листвы.

Муж прав: конечно, это красота! И для нас, уставших от городской сутолоки и быстрого темпа жизни в городе с его стрессами и испорченной экологией – это настоящий живительный источник энергии.

Мы быстро устроились на новом месте. Дома в нашем поселке нестандартные, построенные разными строительными компаниями без единого архитектурного плана, где-то с элементами восточной архитектуры – для любителей классики, коих здесь большинство, встречаются порой и элементы минимализма – для продвинутых клиентов с толстым размером кошелька.

Межэтажные лестницы во многих домах открытые, без привычных нам подъездных коридоров, продуваемые и щедро присыпанные садовой почвой, которую приносит с собой ветер. Местные хозяйшки ревностно следят за порядком и по очереди, если нет специально приглашенного человека, тщательно убирают грязь на лестницах, смывая ее водой из шлангов.

К уборке жилища здесь вообще особое отношение: гость может появиться совершенно неожиданно и обнаружить стерильно чистый дом. Если хозяйка дома работает, она старается найти помощницу по хозяйству, следящую за чистотой дома, ну, а если не работает, то содержит хозяйство в порядке сама.

Традиционно уличную обувь оставляют за порогом дома, а в дом входят босыми. Тут возникает вопрос: а как обстоят дела с воровством? По-разному, но в основном за обувь можно не переживать. А чтобы само жилище стало неприступной для воров «крепостью», окна на первых и вторых этажах домов снабжены решетками. Если такого не случилось или, если вор сам не боится высоты и смело забирается на крышу трехэтажной постройки, то не обходится и без

курьезов: воришка, решивший в ночное время забраться в квартиру и встретивший там хозяев, быстро ретируется назад через окно со словами:

– Аби (обращение к мужчине), извини, ошибся.

И все зависит от «аби»: вызовет полицию или спокойно махнет рукой и скажет:

– Смотри, больше не ошибайся!

Отношения между людьми во всех аспектах жизни добрососедские! Поэтому в здешних краях говорят: не приобретай дом, приобретай соседей.

В справедливости этой народной мудрости мне пришлось убедиться практически сразу.

Утром первого дня нашего размещения на новом месте, не успев вдоволь насладиться чудесным видом на горы из окна нашей кухни, я услышала настойчивый звонок в дверь.

«Кто бы это мог быть?» – удивилась я. – Знакомых у меня пока здесь нет.»

Терзаемая любопытством, поспешила к входной двери.

На пороге стояла женщина средних лет в традиционных шароварах и с покрытой платочком головой. Женщина приветливо улыбнулась:

– Здравствуйте, я ваша соседка, – сообщила она. – Заходите ко мне на чашечку чая.

Не зная, что предпринять в данной ситуации, дабы не прослыть невежливой, быстро соглашаюсь и, прихватив коробочку конфет, иду к соседке.

– Меня зовут Сафия, – сообщает мне моя новая подруга. – Я жила здесь неподалеку, в деревне, пока не переехала в посёлок. А ты откуда?

Борюсь с желанием показаться невежливой и ответить уклончиво. В прошлом, в моей городской жизни, существовал некий другой этикет отношений, и беседы о сокровенном велись никак не в первую встречу.

– Я из России, – произношу после небольшой паузы.

– Хорошо говоришь по-турецки, – одобряет она и не удивляется, что я из другой страны: в посёлке много смешанных браков.

Россиянки, украинки, белорусски, прибалтийские девушки – все здесь «проходят» под общим названием «рус».

– Дети есть? – звучит следующий вопрос.

Чувствую себя, как на допросе. Правильно говорят, что привычка – вторая натура! Я обычно сразу не пускаю человека в свою душу, но и сама стараюсь не ранить собеседника неудобным вопросом.

– Нет, – практически давлюсь ответом и с ужасом ожидаю вопроса: А почему?

Но моя расспросчица улыбается и машет рукой:

– Еще успеешь! Молодая пока.

Вздыхаю с облегчением и судорожно прикидываю возраст соседки: а она ведь меня моложе! Да так лет на десять, судя по абсолютному отсутствию морщин на лице и мелких, знакомых только по возрастному опыту деталей внешности.

Получив индульгенцию на бездетность, вливаюсь в разговор более свободно и сообщаю о своем фармацевтическом образовании и увлечении живописью.

Сафия воодушевляется и вываливает передо мной коробку с лекарствами, ожидая от меня оценки.

К каждому препарату у нее свой рассказ о том, как это было, и как она лечилась. Понимая киваю головой и нахваливаю препараты. На одном из предложенных ею диагнозов, запинаясь, силясь понять, что это могло означать.

– Сафия, что это за диагноз «живот замёрз»?

– Так врач сказал... – бодро отвечает она.

Удивляюсь находчивости эскулапа и понимаю, что это лучшее объяснение понятия «воспаление кишечника» человеку, далекому от медицины, весьма простое и доступное. А моя визави далека не только от медицины, как я полагаю.

«А ведь и на самом деле, когда замерзаешь, неминуемо ждешь последствий для здоровья в виде простуды или другой какой хвори,» – думаю я.

– А чай-то! Заговорились мы совсем! – спохватилась Сафия. – Пойду заварю свежий.

– Да я и дома попою... – начала было я, но, заметив, встревоженный взгляд соседки в мою сторону, быстро киваю головой. – Конечно, как без чая!

Чай – это особый ритуал, неспешный, за чаем по-восточному долго течёт беседа, приправленная его крепким душистым ароматом. Чай пьют почти «вприглядку», как выразилась бы моя бабушка, приложив к традиционному бокалу-тюльпанчику (чайная чашечка) несколько кусочков сахара в зависимости от вкуса чаевника. Чай должен быть крепким, с красноватым оттенком. «Заячья кровь» – называют этот сорт, выращенный в черноморском регионе. И не дай бог вам выпить только один бокальчик! Обязателен повтор, который означает: «в этом гостеприимном доме умеют заваривать чай и встречать гостей».

– Сафия, дорогая, мне пора готовить ужин – муж скоро придёт, – выпив третий бокальчик, я решаю, что пора бы хозяйку оставить одну.

– Увидимся, спасибо, что зашла! – улыбается она.

Голодный муж – это серьезный повод к окончанию любой церемонии.

Петухи нашего поселка – отдельная и совершенно самостоятельная часть нашего цитрусового рая. Собственно, до сегодняшнего дня отношения с ними, с петухами, были у меня только гастрономические, и то не с ними, а с их женами и детьми, и в некотором роде с зародышами в яйце. На эту тему есть хороший грузинский анекдот.

Встречаются два приятеля. Один спрашивает у другого:

– Слушай, Гиви, ты помидоры любишь?

– Есть люблю, а так нЭт!

И у меня также с петухами! Оказавшись с ними бок о бок, по соседству, произошло слияние двух несовместимых натур, вернее, слияния не произошло!

Курытников здесь не строят. Климат позволяет и зимой, и летом этой домашней птице жить под открытым небом, исключения составляют лишь некоторые хозяйские подворья, сооружающие вольеры для кур. Вот она – свобода! Живут куры с петухами на апельсиновых деревьях и жестоко дерутся за свободные веточки в их, неведомой нам, куриной иерархии. Местные петухи отличаются не только любвеобильностью, но и большими голосовыми возможностями. Но, увы, эти возможности не относятся к чарующим звукам их голосов, а лишь к способности многократного повторения резких громогласных звуков. Петушиные вокальные номера стартуют с часа ночи и повторяются со стойкой периодичностью каждые пятнадцать минут, до полного изнеможения, хрипотцы в голосе! А в утреннем финале слышится их победоносный хрип: я здесь, я начеку, хоть и не в голосе, но мой боевой дух несломлен ночными выступлениями!

Первое время я вынашивала различные планы мести этой крикливой породе за мой беспокойный сон и дорисовывала в собственном воображении плотоядные картины расправы: суп с петухом, петух в духовке целиком, холодец из петуха, просто прилюдная казнь четвертованием, для острастки, чтобы другим неповадно было. Но потом поняла, что эту многочисленную армию мне не одолеть. И спасут меня только плотно закрытые форточки во всей квартире и беруши по назначению.

Прощай, обещанная ночная прохлада, струящаяся через открытое окно относительно нежаркими летними ночами! Здравствуй, кондиционер, с сопутствующими ларингитами и трахеитами!

Петухи стойко выдержали мою немую борьбу с ними, выстояли и победили!

– Соседка, выходи! – доносится звонкий голос Сафии с улицы.

Отлипаю от мольберта и вспоминаю, что мы собирались совершить пешеходную прогулку спортивным шагом с целью укрепления здоровья и одновременного нанесения вероломного удара по лишним килограммам, осевшим тяжким грузом за зиму на некоторых из нас.

Последнее – не обо мне. Моя мама всегда озабочена вопросом, как заставить свое чадо есть больше. Началась история моего «малоежества», как и положено, в нежном младенческом возрасте, когда ребенок не допивал молока и не набирал, хоть ты тресни, рекомендованных Министерством Здравоохранения граммов и килограммов согласно возраста. В детстве история окрепла и приобрела окраску некоторых странных и бесполезных пищевых пристрастий. Мама не сдавалась и со строгим лицом продолжала дежурить у моей тарелки со вкусной и здоровой пищей, которая почему-то никак не привлекала маленькую привереду.

В юности вопрос перешёл в другую, более серьезную плоскость: как взрастить у субтильной барышни спортивной конструкции побольше женственных форм? Но сама барышня усилий не прилагала, капусту есть отказывалась, молочных продуктов не жаловала. Спортом занялась совсем не способствующим увеличению женственности, одно название чего

стоит – фитнес. В результате такого кощунственного к себе отношения выросла спортивная девица – легкоатлетка с плечами теннисистки. На этом сугубо физиологическом уровне сходство с известными спортсменками заканчивается, и ни о каких спортивных достижениях речи не идёт. А женские прелести..., ну, не колосятся они, и ладно! Не всем дано, в конце концов.

– Соседка, ты где? Выходи быстрее! – нетерпеливо кричит Сафия.

– Уже иду! – выбегаю на балкон в спортивной ветровке и джинсах. – Сейчас надену кроссовки и спущусь к вам!

Во дворе меня ждут соседка и ее подруга Пери. На женщинах всё те же шаровары и платки. Цель их прогулки выдаёт только спортивная обувь.

Прогулка на свежем воздухе в наших живописных краях способствует свежести восприятия и вдохновению. Может, и решусь наконец выйти на пленэр с мольбертом. А сегодня окрестности получше изучу!

– Соседка, куда так рванула? – кричат мне в спину мои подруги.

– Девочки, если есть желание избавиться от лишних красот, – осматриваю я аппетитную фигуру Пери, ладную и щедро одаренную теми достоинствами, которые отличают мужчину от женщины, – необходимо прибавить шаг.

– Ну да, это ты на своих ногах-ходулях мчишься, а мы семеним за тобой на своих корытках, – весело смеется Пери и в подтверждение своих слов начинает смешно вихлять дородными бедрами, быстро перебирая ножками.

Мы все заразительно хохочем и в хорошем настроении отправляемся дальше, мимо поселковых домов, к подножию Караташа, расположенного в деревне Куздере, туда, где раньше жила Сафия.

В деревне улочки петляют меж домов. Сафия через каждые десять метров останавливается, чтобы поздороваться с бывшими соседями и обменяться принятыми любезностями:

– Доброе утро! Как дела?

– Хорошо, а у вас?

– Хорошо, вот спортом занимаемся.

– Удачной прогулки!

В наших местах любая деятельность сопровождается определенным набором любезностей-пожеланий. Когда заболел, то пусть все пройдет; что-то делаешь – пусть будет легко; приготовил еду – спасибо вашим рукам; вошел в дом – добро пожаловать; приехали родственники – пусть глаза светятся от радости; уезжаешь – хорошей дороги; начинаешь что-то новое – пусть дорога будет открытой. Это только некоторые примеры. И эти фразы – обязательны, дабы не прослыть невежливым и грубым. Этикет – в чести.

– Сафия, да ты здесь всех знаешь! – удивляюсь я.

– Вот именно по этой причине мне и пришлось отсюда и уехать! – отвечает мне она.

– Ну да, – соглашаюсь я, – вышел утром в магазин за хлебом и, пока со всеми обменялся любезностями, вернулся домой к вечеру.

Она только смеется! Гораздо позже Сафия откроет истинный мотив побега из деревни – это ее замужество вопреки родительской воли.

А между тем места, которые мы проходим, достойны описания. Деревенские подворья очень разные: от полуразвалившейся хибарки с недостроенным верхним этажом до внушительных размеров виллы с большим земельным участком и бассейном. У развалюшки может стоять припаркованным мерседес, не последней, конечно, модели, но вполне на ходу и, случайно заглянув в окно такого домика, глаз застынет в удивлении, остановившись на плазменном телевизоре и одновременно отметит наличие во дворе спутниковой антенны. На моих глазах из подобного домика вышла традиционно одетая женщина в сандалиях на босу ногу и села в BMW, который очень даже ничего. Так что дресс-код в нашем рае вполне может подвести, если задумается определять финансовое положение человека. Не встречай по одежке!

Практически в каждом дворе есть особо любимые мной петухи и куры, мурзики разной кондиции, иногда козы, овцы. Шарик дворянских кровей бегают прямо в саду, а некоторые из счастливиц имеют отдельную конуру и без особого интереса, а только так, для проформы, поглядывают на прохожих. Их настрой столь миролюбив, что они не опускаются до банального лая: «идешь и иди себе с миром» – говорят они всем своим видом.

Домики попроще окружены плодовыми деревьями с редкими вкраплениями грядок меж деревьями. Герани и кактусы, одни приветливо, а другие, ошетилившиеся, словно всегда на страже, выглядывают из жестяных банок, поставленных прямо на забор или ближе к порогу дома.

Вокруг домов более сложной конструкции – кусты роз и всё те же плодовые деревья.

Деревню опоясывает арык, приносящий воду с гор в летнее засушливое время. Некоторые предприимчивые сельчане подключают к арыку насос, чтобы пользоваться водой в то время, когда им удобно.

– Пить хочу, – произносит Сафия, а мы смотрим на наши опустошенные во время прогулки бутылки с водой, прихваченные из дома.

– Так ведь все магазинчики еще закрыты, – оглядываюсь я по сторонам и ощущаю жажду с еще большей силой от невозможности ее тут же утолить. – А до дома еще с полчаса ходьбы.

– Не волнуйся, на нашей дороге, впереди, есть место, где можно попить воды! – успокаивает меня Сафия.

Оказывается, воду из арыка в некоторых местах пропускают через специальную колонну с краном. Правда, не знаю, есть ли внутри колонны специальный фильтр. Есть у меня на этот счет сомнения... Мои спутницы их не рассеяли, так как не смогли сказать ничего вразумительного по этому поводу. Воспользоваться этим устройством очень просто, повернув кран и подставив под него пустую бутылку или какую-нибудь другую емкость, по существу, чтобы потом увезти эту воду с собой и дома пить всей семьей в течение недели. Такие мини-станции бесплатной воды носят имена людей, их построивших.

Заполняем на такой импровизированной станции наши пустые бутылки и мысленно благодарим Ахмета/ Мехмета, думавшего и заботившегося о путнике.

В этих местах бытует занимательная история, то ли вымышленная, а то ли реальная, о наследовании участков земли. Семьи здесь, как правило многодетные и сыновья, в отличие от дочерей, обладают более высокими привилегиями при распределении наследства между детьми: сын – он же преумножитель семейного достатка! Поэтому плодородные земельные участки с апельсиновыми садами по завещанию переходили к сыновьям, а места поближе к морю, где выращивание садовых культур представляет тяжелый труд, отписывались дочерям. Шли годы. С началом развития туристической индустрии в местных краях, ситуация изменилась на диаметрально противоположную: в существенной выгоде оказались наследники земель у моря. Но и тут мужчины выкрутились: они быстро переженелись на богатых невестах и перебрались к морю поближе!

Зажиточные крестьяне в поселке зачастую выделяют финансы на строительство детских парков, которые впоследствии носят их имена и фамилии: парк «Акына Мемеда», парк «Хусейна Актача». И бегают в таком парке внук или внучка Хусейна/Акына с ватагой других деревенских мальчишек и девчонок, качается на качелях, крутится на каруселях, спускается с горок и гордо говорит:

– Этот парк построил мой дед!

Дети постарше играют в футбол или в волейбол на стадионах, возведенных в таких парках, а взрослые односельчане, желая здоровья и процветания Хусейну/Акыну, занимаются в них же на тренажерах, укрепляя свое здоровье.

А мы идем дальше и на выходе из Куздере встречаем толпу таких же, как и мы, девушек и женщин, с утра отправившихся на пешеходную прогулку. Улыбаемся друг другу и, пожелав «лёгкой дороги», расходимся в разных направлениях.

– Я, кажется, похудела, – вдруг сообщает нам Пери.

– С чего бы это так быстро? – недоверчиво спрашиваю я с улыбкой.

– Да мы ведь целое утро на ногах. Смотри, с меня штаны уже падают, – Пери оттягивает резинку на своих шароварах и показывает, что ее нужно подтянуть.

– Пери, резинку ты с утра плохо затинула, – комментирую я увиденное.

– Похудела! – настаивает Пери.

– Девочки, а ну-ка, зайдем взвесимся! – предлагает Сафия. – Заодно и проверим на сколько килограммов мы похудели!

– Где «взвешиваться» будем? Арбузов в апреле никто не продает с машин, – озадаченно смотрю по сторонам.

Сафия смеется и показывает на здание впереди. Подойдя ближе, читаю название: Поликлиника «Семейный Доктор», а внизу вижу табличку с надписью «Рукие и Мустафа Демирджи» и две фотографии. Мужская фотография, видимо, взята из старого альбома – мужчина на ней молодой и с заливчатскими усами. Женщина на фото, напротив, пожилая, с очень знакомыми чертами лица.

– Сафия, а кто это? – не удержалась от вопроса.

– Это наши соседи по поселку – муж и жена. Мужчина умер десять лет назад, а женщина еще жива. Может, ты ее и встречала когда-нибудь.

– Да, лицо знакомое, – задумчиво произношу я, хотя многие жители нашего поселка немного похожи друг на друга: близкородственные браки в этих краях не редкость. И тут же добавляю:

– А табличка с их именами зачем здесь?

– Так они же дали средства на строительство поликлиники в поселке, – удивляется моему вопросу Сафия.

– А-а-а, какие хорошие люди, – говорю я и мысленно желаю здоровья тете Рукие, мир ее дому.

– Чего задумалась? Взвешиваться пошли! – кричит мне Пери.

Проверив наличный вес, идем дальше. Пери всю дорогу бурчит:

– Не верила мне, а я похудела на целых два кило. Я же чувствую: идти легче и штаны падают!

– А ты дома утром или вечером взвешивалась? – не унимаюсь я.

– А какая разница-то! – возмущается Пери.

А я, замороженная открывшимся видом на прекрасную маковую поляну, уже не слышу её. Млечный сок маков называют «опиум», а само название цветка в переводе с латинского означает «несущий сон».

Цветок лаконичен, незатейлив, как правило, красного цвета на длинном цветоносе. Плод-коробочка. Это первое, что вспоминается мне из ботаники и фармакогнозии.

Весьма скупое описание, когда-то заученное в школе, а потом и в университете. Сок незрелых плодов-коробочек широко используется в медицине для изготовления обезболивающих препаратов: морфин и кодеин.

Вот он какой: обезболивающий! И об этом его свойстве тоже вспоминаю, когда вижу маки. А если уйти от научных догм к лирическому восприятию, то, как мне кажется, цветы анестезируют душу, уставшую и утомленную хлопотами, раненую прикосновением бытия, радуют взор своей кроваво-красной энергетикой, заряжают надолго и вызывают привыкание: единожды очарованный ими, будет искать встречи с ними вновь и вновь. Меня же маки восхищают своей совершенной простотой.

А здесь раскинулось огромное маковое поле! И вот уже мне хочется взять кисти и краски и начать рисовать это великолепие!

Из внезапно приключившегося со мной оцепенения меня выводит голос Сафии:

– Эй, художница, пошли быстрее, а то завтрак не успеем приготовить.

– Иду, уже иду, – не отрывая глаз от этой красоты, спешу присоединиться к моим друзьям.

Вот куда я непременно вернусь одна с мольбертом!

Весна в Турции – мое любимое время года! Погода комфортная, природа – в красочном пробуждении: повсюду видны цветочные фейерверки, созданные стараниями Весны-импрессиониста, палитра красок которого многообразна. По-особому звучат голоса птиц в утренние часы. Только ранним утром, пока машины еще не начали свои дорожные переключки, а звуки цивилизации сведены до минимума, особенно выразительны рулады пернатых талантов, соревнующихся в своем мастерстве. Чтобы завоевать сердце любимой, они готовы выводить свои трели непрерывно, одновременно услаждая и наш, человеческий слух, о чем совершенно не подозревают.

Только в утренние часы острее ощущаются ароматы цветов: воздух чист и прозрачен, и флер де оранж, вскружив голову, заставляет раствориться в блаженной неге кристального утра. Над цветами порхают бабочки, спеша прожить свою короткую жизнь, даря нам на прощанье красоту мига. Деловитые пчелы суеются возле цветов, собирая их ароматный нектар, и с помощью данного только им волшебного таланта, превращают его в полезный и вкусный мед. Утро. Впереди еще длинный солнечный день, в котором так много всего нового и интересного!

Бегу по лестнице вниз и на первом этаже сталкиваюсь с соседкой, живущей этажом ниже, она, так же как и я, вооружившись огромным целлофановым пакетом, спешит к мусорному баку. Нести переполненный пакет ей тяжело, и она буквально заваливается на один бок, пытаясь балансировать на высоких каблуках. С ней я пока незнакома: не довелось раньше нигде встретиться, и в дверь она мою не стучалась, чтобы познакомиться со мной, как принято в нашем доме. Правда, несколько раз я видела ее из окна моей кухни – она спешила к красному гольфу, машине, слишком привлекающей внимание в нашем дворе. Да и сама владелица автомобиля чрезвычайно симпатичная! Девушка – Весна, назвала я ее для себя: высокая, стройная, с копной золотистых кучерявых волос, развивающихся на ветру, с летящей походкой безмятежной юности.

Идем обе с двумя тяжеленными пакетами, и вдруг ее пакет прорывается, и я слышу: «Чёрт возьми!»

– Дать вам мой пакет? – спрашиваю я. У меня, привыкшей к непрочным пакетам в магазинах, и продукты, и мусор перемещаются в двойных пакетах: первые – из магазина домой, а второй – из дома к мусорке.

– Спасибо! А вы русская? – поднимает на меня свои глаза девушка-Весна.

Какая солнечная красавица: огромные серые глаза с искорками весёлого любопытства, чуть бесшабашная улыбка, коснувшаяся припухлого, немного детского рта, заставившая встрепенуться тонкие крылья правильно очерченного носика. Ни капли загара на светлой персиковой коже.

Утвердительно киваю головой.

– А я вас раньше не видела, – продолжает радоваться встрече девушка-Весна. – Вот так бы и не узнали друг о друге, если б не вышли вместе мусор выбросить! – смеется она.

Ее радость и мне передается.

– Как вас зовут? – дружелюбно улыбаюсь я.

– Злата.

«Какое чудесное имя, и оно очень подходит девушке!» – отмечаю про себя.

– Приходите как-нибудь в гости. Я живу прямо над вами, – показываю я рукой на свой балкон.

От мусорных пакетов мы избавились, и вместе возвращаемся к дому. Девушка, продолжая улыбаться, спешит к своей машине, не ответив ни «да» ни «нет» на моё приглашение.

Стук в дверь. Я в это время нахожусь на балконе с мольбертом, пытаюсь перенести на бумагу чудесные изгибы Тахталы (вершина в гряде Торосских гор). С неудовольствием отрываюсь от процесса: «кого там еще несёт!?» – и в таком «гостеприимном» настроении открываю дверь.

На пороге, хлопая глазами, стоит Сафия:

– Соседка, ко мне сегодня гости придут к обеду, и ты заходи!

Потом внимательно смотрит на меня и прыскает со смеху.

– Приду, спасибо, – уже немного любезнее бурчу я. – А ты чего вдруг развеселилась?

– Ты глянь на себя в зеркало-то! – хохочет соседка.

Предчувствуя неземную красоту, цепляюсь глазами за свое отражение в зеркале, висящем в коридоре. На меня глядит вполне приличная особа в очках и... в крапинку, зелено-желтую, – такая вот щедрая акварельная сыпь на лице. Во всей моей «ветряночной» красе виновата новая техника разбрызгивания красок со щетины зубной щетки. Правда, не пойму, почему они, пятна, оказываются не только на бумаге, но и на художнике? Озадачено прикрываю входную дверь, напроць забыв о соседке.

– Ну что, тебя ждать? Тогда приходи пораньше – мне поможешь! – волнуется за дверью Сафия.

– Да приду я! Только умоюсь! А то полдеревни твоей распугаю своим маргинальным видом. Платок обязательно надевать?

– Надень! Если у тебя нет, я свой дам, – удовлетворенная моим ответом Сафия ретируется в соседнюю дверь.

Прихожу к ней одной из первых. Дверь соседки открыта, а перед дверью расстелен небольшой коврик для уличной обуви. Свои домашние тапочки я на всякий случай тоже оставляю на этом коврике, дабы не отличаться от остальных гостей.

– Держи, – Сафия протягивает мне тазик с макаронами-завитушками, показывает пальцем на сваренные яйца и лежащие рядом с ними огурцы, – будешь готовить «русский» салат.

Держу тазик в неуверенных руках и силюсь понять то, что только услышала:

– Сафия, а где картошка, морковка, горошек?

– А зачем они тебе? – искренне удивляется она.

– Как, зачем? Для того, чтобы приготовить «русский» салат. И умоляю, скажи, что делать с тазом завитушек??? – не понимаю я.

– Так это ведь и есть ваш салат! Тебе осталось только нарезать туда огурцы и яйца, ну, и майонезом заправить, – видя моё крайнее удивление, добавляет она.

– Сафия, кто из нас русский? – продолжаю я «биться головой о стенку».

– Ну, ты! Только у моей тети был такой рецепт вашего салата. Ее соседка научила делать так, а она тоже из ваших краев была. Да не убивайся ты так! В следующий раз сделаешь по-своему!

Обреченно, понутив голову, ставлю таз с макаронами и энергично режу туда яйца.

– Кстати, а по какому поводу сбор гостей? – меняю тему, уходя от проигранной битвы за «салат».

– А мы с девушками по очереди раз в месяц собираемся у каждой дома и приносим деньги.

– Можно об этом поподробнее, – не отрываясь от нарезки, прошу ее я.

– Конечно! Вот смотри, нужно тебе купить телевизор, а достаточной суммы денег на покупку нет! Что ты делаешь?

– Я в банк иду!

– А мы подруг собираем, и каждая приносит по 50 лир, к примеру. Потом через месяц идем к другой подруге с той же суммой и так, пока всех участниц процесса не обойдем, – вытирает руки Сафия. Она готовит кекс для угощения.

– Интересненько, – протягиваю я, в уме пытаюсь подсчитать выгоду от этой, на мой взгляд, сомнительной затеи, но не успеваю: на пороге появляются первые гости и прерывают нашу беседу.

Гостей набралось человек пятьдесят. Все они приходили неспешно, в дверях обмениваясь любезностями с хозяйкой, а затем с остальными гостями. Некоторых я уже знаю: Пери суетится с чаем, расставляя бокалы с ним на подносы, а дочка Пери выносит их гостям из кухни в салон. Мужчин нет. Женщины многие похожи между собой – ничего удивительного в этом нет: все в поселке связаны родственными узами. Со мной здороваются сдержанно: новое лицо. Но Сафия тут же представляет меня своим знакомым, и те, в свою очередь, начинают обмениваться любезностями и со мной. Пришедшие рассаживаются на диванах и креслах, мест явно не хватает, и Сафия приносит низкие столики, напоминающие журнальные, вокруг которых молодые девушки садятся прямо на ковер, поджав под себя ноги.

Назначенное к двум часам чаепитие, началось только в три часа. А мне нужно еще и заняться домашними делами, поэтому через час отпрашиваюсь у хозяйшки дома: скоро придет муж – надо готовить ужин. Она понимающе цокает языком и я, попрощавшись, возвращаюсь в свою квартиру.

Через пару часов, когда мы собираемся поужинать с мужем на нашей кухне, опять раздается стук в дверь – это соседка нам принесла большую тарелку «русского» салата: от нашего стола – вашему!

Лето жаркое немилосердно навалилось как-то разом. Спасаящая утренняя прохлада перестала быть таковой, и раскаленный, за ночь неостывший воздух норовит расплавить трахею. Кожа активно сопротивляется и стремится защитить организм от перегрева, проливаясь ручьями пота. Влажный горячий воздух густым облаком обволакивает человека.

Ветер, ветер – вот оно кажущееся спасение! Он поднимается, как по часам, после обеда и несет ложное облегчение измученному жарой человеку и страдающим от нее же растениям. Своим стремительным дыханием ветер срывает лишь густое облако влаги с кожи человека: он слишком горяч и в итоге не приносит долгожданной прохлады! А приветливо выставленные ему навстречу листья наивных гераней, он просто сжигает.

Что-то делать физически – безумие! Любая активность требует невероятных затрат и увеличивает и без того высокую температуру тела. Местные петухи не сдаются и продолжают свою переключку. Их голоса становятся похожи на хрипы в отечном горле при ларингите. Звуковую конкуренцию пернатым составляют полчища любвеобильных цикад, расположивших свои оркестровые инструменты на ветках деревьев. Жара их только вдохновляет, а производимые ими звуки похожи на треск электричества в высоковольтных проводах. Цикады, пожалуй, завершают картину летнего «марсианского» пейзажа наших мест.

Тощие кошки и собаки выбирают теневую сторону улицы и лениво бредут в поисках воды, которую оставили сердобольные граждане в пластиковой посуде возле заборов домов.

Море, конечно, только оно – спасительная пристань для изнывающего от жары тела. Мне до него нужно добираться на машине, можно и пешком, конечно: часа полтора прогулки по тридцати пяти градусной жаре в утренние часы. Если решиться на такой променад, то в конце пути ждет оазис: ласковые тридцати градусные волны соленого Средиземного моря, в объятия которого бросаешься сразу.

О, боги, вот она – заслуженная благодать, которая, правда, минут через десять перестает ей быть: жара и тут настигает. Остается только сбежать под зонтик, вырвав тело из неги «прохладной» водички, а затем прилечь на полотенце, а если повезет, то на лежак. Легкий бриз обдувает слегка охлажденное тело, запакованное в минимум одежды, но жара крепчает, и вновь становится плохо.

Посмотрев по сторонам, с удивлением замечаешь счастливые лица туристов, приехавших в наши места погреться. Они лежат прямо под солнцем, изредка переворачиваясь с боку на бок и подставляя раскаленному светилу новые участки своего пока несильно подгоревшего тела. На некоторых – панамы, а кто-то обходится и без них.

Нет, хочу домой, и море меня не спасает. Только включенный на полный режим кондиционер, запертые двери и плотные жалюзи на окнах – вот мой способ избавления от адовых котлов летней жары! А еще, бутыль питьевой воды под рукой и частый прохладный душ (язык не поворачивается назвать его холодным: летом такую воду можно добыть только из холодильника). И легкие овощные салатики вместо обеда и ужина, потому что остальное невозможно себя заставить съесть.

Изрядно намучившись, составляя инструкцию по выживанию в этих краях летом, бреду к соседке за рецептом ее летнего счастья: она-то должна знать наверняка!

Сафия возлежит на подушках, на полу, между двумя открытыми балконными дверями: кухни и салона.

– Чай будешь? – спрашивает она.

– Даже думать боюсь о чае! Мне бы водички холодной.

– А мы утоляем жажду чаем, – улыбается она.

– Ну, вам-то не привыкать! А у меня, похоже, аллергия на жару, – без сил падаю на пол рядом с ней.

- Ага, у вас же снег всегда!
- Зимой! – уточняю я. – Впрочем, иногда весной, – вспоминаю марты-апрели последних лет.
- А сколько градусов у вас летом?
- Тридцать максимум, да и то, недели две, не больше. А так, градусов двадцать, – мечтательно закрываю глаза.
- Холодно! – констатирует моя визави.
- Слушай, как вы ночью спите? – задаю наводящий вопрос, пытаюсь отказаться от кондиционера и сопутствующего ему ларингита.
- Как-как, на балконе, – не моргнув глазом, произносит Сафия, но, заметив, что брови у меня поднимаются вверх, продолжила:
- Кладем на пол балкона матрас, и спим на нем до утра. Очень удобно и прохладно. И экономия очевидная – кондиционер не нужен.
- А-а-а, – протягиваю я, смирившись с неизбежностью подхватить ларингит, – ты что, совсем петушиных криков не слышишь?
- Нет, я же с ними родилась. Да и ты привыкнешь со временем к их голосам! Вон, твоя соседка спит с открытым балконом, и ничего!
- Это которая, как и я, «рус»?
- Ага. У нее и сынок есть! – доверчиво сообщает Сафия.
- Сынок? – переспрашиваю я. – Но я не видела, что бы она когда-нибудь гуляла с малышом.
- А она и не гуляет. Да и малышу уже лет пять, – видя, что удивление так и не спадает с моего лица, а у бровей есть опасность навеки застыть в форме домика, продолжает:
- Мальчик ее не может ходить. Он болен от рождения. Демир, – так зовут ее сына, – все время плачет по ночам. Да неужто ты не слышишь?
- Холодею внутри и вспоминаю веселую и беззаботную девушку-Весну.
- Нет. Мы ведь спим на втором этаже нашей квартиры. Как ей, наверное, тяжело и обязательно нужна помощь, – начинаю волноваться я, так как не могу вспомнить, что бы девушку кто-то навещал: дом у нас маленький – всем все видно и слышно.
- Да она сама не хочет, чтобы кто-то ей помогал! Ее муж работает в Аланье и приезжает редко. У него там магазин кожи. Видела, какую машину ей купил? Родню его она не приветает: свекровь в гости приходит – она сразу за порог. А это значит, что не хочет видеть мать мужа. У нас не принято так поступать!
- Сафия, она с больным мальчиком одна в четырех стенах. Как кто-то приходит к ней, она и убегает, чтобы немного отдохнуть, просто пройтись и отвлечься, – пытаюсь я объяснить поведение девушки.
- Она своего сына и так часто одного оставляет, уходит куда-то – он без нее все плачет и плачет. Ребенок – это такое счастье, зачем от него отдыхать, а тем более отвлекаться? – Сафия загрустила, и я знаю причину ее печали: кроме единственного сына Юсуфа, других детей у нее нет. А все попытки забеременеть заканчиваются выкидышами.
- Некоторое время вместе задумчиво молчим.
- Ну, я пойду к себе! – говорю я. – А к девушке я обязательно зайду на днях.
- Сходи-сходи, может, тебе дверь откроет. Нас не впустила в свой дом.

Впрочем, и мне тоже дверь не открыла. Долго звонить в ее закрытую дверь я не решилась – вдруг ребенок спит? Постояла несколько минут под закрытой дверью и поднялась на свой этаж. Моя попытка помочь ей, так и осталась только попыткой.

А красивую Злату я несколько раз видела, когда она садилась за руль своего красного авто и включала музыку в салоне. Собственно, по доносящимся до моей квартиры звукам иностранной музыки, непривычным в нашем дворе, -привычными здесь были петушинные арии- я понимала, что это моя соседка-Весна отправляется на прогулку в неведомом направлении, в столь полюбившемся ей одиночестве.

Однажды увидела и прекрасного мальчика – копию своей мамы-Весны. Это случилось, когда приехали родители Златы, грустная молодая бабушка и веселый, неунывающий дед, и на руках вынесли внука на прогулку в наш двор.

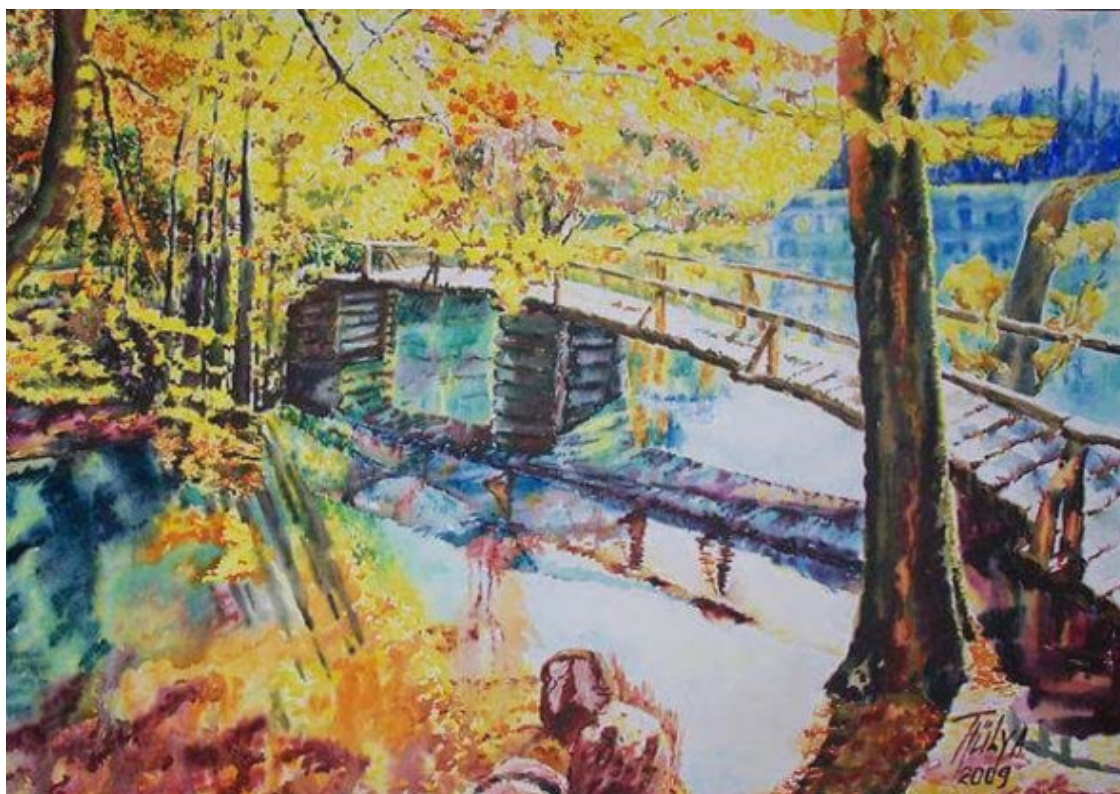
Маленький Ангел девушки-Весны был прекрасен: белокур, с огромными серо-синими глазами, неотрывно смотрящими мимо нас в бескрайнее небо, словно пытаясь что-то там разглядеть. А, может, он прислушивался к небесному пению таких же ангелочков, как и он. Ангел не разговаривал с людьми и не понимал вопросов, обращенных к нему. Ему доступно было только одно средство общения с внешним миром, на которое обычно игнорирующий его мир реагировал – это плач. И ангел плакал, плакал практически все время, а если он не плакал, то спал. Мама- Весна, встречаясь с людьми, улыбалась и никого не впускала в свою жизнь, никого из посторонних, что бы не жалели ее Ангела прекрасного, да и ее тоже.

Есть в увядании своя улыбка счастья:
Оно нас избавляет от ненастья,
От пережитых драм очарованья
И от внезапного в любви признанья.

Всё в прошлом: и мечты, и суета,
И дней бегущих мимо маета...
А нам тепло, и на душе уютно —
Теперь живем мы тихо и «рассудно».

Мы знаем цену дружбы, просветленья.
И много уже навыков, умения
Жить не спеша, смакуя каждый день,
И познавать нам истину не лень.

И удивляться нам еще приятно-
Пусть молодость уходит безвозвратно.
В любое время года есть свой плюс:
Я вновь очароваться не боюсь!

Начало осени в Анталье – мягкий бархатный сезон, необходимый истерзанному яркими впечатлениями организму, -напоминает мне барышню за сорок. Она еще жаркая, но не обжигающая; желанная и немного неприступная, но милосердная в силу опыта; её вечерние и утренние краски слегка потускнели, перешли в границу прохладной палитры. Она знает свои желания и возможности, довольствуется тем, что имеет и получает удовольствие от листопадного кружения, восхищаясь желтой, багряной гаммой красок вокруг. Налетающий по утрам ветерок, треплет ее еще вполне пышную шевелюру и открывает миру блестящие серебристые пряди, которые, осыпаясь, падают к ее ногам. Легкое волнение на воде переходит в глубокую рябь, а иногда и откровенно штормит. Небо грозит всем грешным судным днем и проливает на наши головы потоки слез, пока еще нечастых.

Природа готовится к увяданию или отдыху, не слишком здесь заметному. Пока только осень... Не золотая, а с островками багряно-желтых красок граната и инжира, осветивших монотонную палитру нефритовых цитрусовых садов и малахита хвои. Ночи становятся всё более прохладными, мельтем (тёплый ветер) уступает место холодному пойразу (холодный ветер), который заставляет кутаться в теплые одежды. Осень прочно заняла свои позиции и щедро дарит влагу природе, за лето истерзанной солнцем. А светило склоняется в вынужденном реверансе, скользя прощальными теплыми лучами, мягко обнимающими все вокруг.

Маски с соком алоэ полезны для кожи лица, а если кожа лица в предчувствии увядания или уже в нем, то пользы становится еще больше!

Смотрю на себя в зеркало и то тут, то там вижу предчувствующие увядание островки, а кое-где и требующие срочной реконструкции унылые осенние бороздки. О, наш райский уголок богат не только петухами и курами, но и продуктами их любовных утех, которые хранятся у меня в холодильнике. Беру яйцо и отделяю желток от белка. Желток, в котором спрятаны мелатонин, холин и разные витамины, должен справиться с возложенной на него миссией вер-

нуть безвозвратное, то есть омолодиться. Тем более мама и папа желтка до сих пор бегают в нашем саду – значит экологически чистые производители, питающиеся тем, что природа пошлет, ну, и я с Сафией иногда: хлебом, кукурузой, пшеничным зерном. Добавляю в желток несколько капель сока алоэ, – сам цветок растет у меня на балконе, – мёд, чтоб уж наверняка подействовало, и всыпаю порошок какао для закрепления эффекта. Наношу чудо-маску на лицо, ложусь на диван и жду! Расслабляюсь и представляю, как вся эта полезность на меня благотворно влияет, проникая сквозь поры кожи.

К реальности возвращает требовательная трель звонка. Как не во время! Пробую смыть маску, но экологически чистые продукты крепко вцепились в кожу лица. Заливистый звонок продолжает неистовствовать. Промокаю лицо салфеткой и бегу открывать.

– Что с тобой? – Сафия смотрит с тревогой.

– Омолаживаюсь! – с городостью произношу я. – Здравствуйте, соседка!

– Что это такое желтое, а местами очень коричневое? – не слышит она меня.

– Элексир молодости! У меня еще остался. Садись – вместе ринемся навстречу прекрасному прошлому!

Сафия принохивается к зелью и, не услышав подозрительных запахов, разрешает и себя приобщить к вечной молодости. Попытка номер два. Сидим обе жутко красивые.

На лестнице слышатся еще шаги. Сначала трель звонка льётся из квартиры Сафии, а потом уже кто-то звонит в мою дверь.

– Сафия, кто это? – отчаявшись стать в это утро красивой и молодой, спрашиваю я.

– Это Пери. Я зашла к тебе сказать, что мы идем к ней.

– А зачем же мы тут салон- красоты устроили, если нас ждут?

– Да я как тебя увидела, обо всем забыла, – оправдывается соседка.

– Тогда иди и открывай! Я в этот раз досижу положенное время в маске!

Из коридора доносится веселый смех. И вот нас уже трое омолаживающихся: Пери потребовала и свою долю молодости.

Через двадцать минут умываемся и спешим в дом к Пери. Быстро взглянув на себя в зеркало, висящее в коридоре, отмечаю прекрасный цвет лица, розовый, правда, почему- то немного пятнами, а прикоснувшись, под пальцами чувствую нежную бархатистость кожи.

– Смотрите, молодость- то кусочками возвращается, – смеется Пери, – может, к вечеру и всё лицо зарумянится! И будет нам счастье, девочки!

– Сегодня привезут коляску, – заметив меня на балконе за мольбертом, кричит мне Сафия.

– А мы еще тут крышек насобирали! Отдам детишкам – пусть играют. Не выбрасывать же такое добро. Может, как кораблики пустят вплавать по нашему арыку, – улыбаюсь я, услышав хорошую новость.

Событие на самом деле значительное! Целый год мы все вместе собирали пластиковые крышки от бутилированной воды: двести тысяч крышек, в обмен на которые ассоциация инвалидов выдает новую инвалидную коляску. Цифра внушительная. Собирали все: дети – в школах, родители – на местах работы. Все знакомые и вся деревня. На улицах поставили специальные пустые банки с объявлением для прохожих о сборе крышек и с просьбой бросать эти крышки в установленную ёмкость.

В итоге нужное количество крышек было собрано, и теперь у дочки Пери будет новая инвалидная коляска!

У моей неунывающей соседки Пери двое дочерей: старшая – Гамзе, родилась с отклонениями от нормы, так сказали врачи Пери, как только она пришла в себя после сложных родов. Насколько эти отклонения оказались серьезными, стало понятно по мере роста девочки: она

самостоятельно не могла передвигаться и так и не заговорила. Ложный стыд удерживал меня от расспросов на эту тему, а сама Пери, далекая от медицины, только пожимала плечами:

– А кто ж его знает, почему так случилось? Что-то в голове у девочки не так. Врачи говорят, экология плохая и продукты...

И, чуть помолчав, с улыбкой добавляет:

– Она у меня всегда будет маленькой и несамостоятельной.

Пери живёт в небольшом одноэтажном доме, практически под нашими окнами. У домика – просторная веранда, а к ней примыкает роскошный цитрусовый сад, в котором живут столь полюбившиеся мне многолетние петухи с женами. А еще бегают кролики!

– Моим девочкам нравятся кролики! – смеется владелица петушино-цитрусового рая.

Кролики чрезвычайно упитаны, длинноухи, белого и черного окраса, семейка их многочисленна и любвеобильна. Иногда их шумная компания забегает и в наш дворик – на радость местной детворе, которая вооружившись морковкой, спешит удовлетворить гастрономические вкусы незваных гостей. Ушастые гости, в свою очередь, вначале недоверчиво шевелят толстыми подвижными носиками, принюхиваясь к угощению, а потом неожиданным наскоком выхватывают добычу из рук ребятни. Последние сначала пугаются, а потом весело смеются: ах, какая прыть у этих толстопузиков!

– Пери, как же ты с нами выходишь на утреннюю прогулку? Муж твой каждый день уходит на работу, Семра (младшая дочь) – в школу. А кто с Гамзе остается дома? – спрашиваю я.

– Гамзе по ночам не спит. А утром крепко засыпает и спит до обеда. Я успеваю и с вами погулять, и, вернувшись, еду приготовить. А потом везу Гамзе в реабилитационный центр.

– Это тот, что на нашей улице?

– Да, хороший центр! Там и гимнастика специальная есть, и массаж проводят лечебный. Мою Гамзе инструктор научил самостоятельно есть и не только, ну, сама понимаешь, – последнюю фразу Пери произносит многозначительно приподняв брови.

У Гамзе жгучие карие глаза, удивительно светлая фарфоровая кожа лица на фоне черных густых волос, красиво подстриженных в форме каре и обрамляющих нежный овал лица девушки. Голова ее немного откинута назад и поддерживается специальной подушечкой инвалидного кресла. Сосредоточенный взгляд бездонных глаз устремлен вдаль. Длинные кисти рук постоянно находятся в беспокойном движении, словно компенсируют неподвижность тела. Легкость и изгибы лебедя, раненого и мечтающего о небе, застывшая грация и пластика – вот все то, что приходит мне на ум, когда я смотрю на девушку.

Семра ловко подхватывает коляску из рук матери. Во взгляде Гамзе узнавание и тень улыбки на бледных губах:

– Сегодня, сестренка, пересядешь в новую коляску! Она большая и нетяжелая! Будем теперь бегать с тобой, – смущенно улыбается Семра.

Семра – тихая, светлая девочка, сероглазая, русоволосая, с застенчивой улыбкой на пухлых губах. Застенчивость Семры легко объясняется наличием у нее близорукости и нежеланием носить очки. При встрече с людьми Семра опускает глазки, чтобы не ошибиться и не поздороваться с незнакомым человеком.

– Семра, милая, посмотри, я тоже в очках! Это удобно, честно. Я, как и ты, раньше стеснялась носить очки, думая, что очки совсем не украшают лицо. А ничего подобного! От них твое красивое личико станет еще прекраснее, – говорю я девушке. Мне, очкарику со стажем, понятны чувства девушки и ее предубежденность к ношению очков.

– Линзы лучше! – доверчиво сообщает мне она. – От них глаза становятся еще больше!

– Так они у тебя и так огромные! Куда же больше? – удивляюсь я.

Семра смущенно смеется и немного краснеет.

– Давай вместе сходим в магазин и выберем тебе очки! Выберем самые модные! А то девочек с большими глазами много, а вот с модными очками – совсем нет.

Семра с надеждой смотрит на мать и ждет ее решения.

– Да сходи ты с тетей (это со мной) – она в модах лучше понимает. Без очков, дочка, тяжело.

Семра светлеет личиком, и мы решаем пойти вместе за очками, прямо сейчас, чтобы она не успела передумать, благо, магазин оптики недалеко от нас.

В магазине Семра нерешительно перебирает оправы, предлагаемые ловким продавцом.

– Давай остановимся на пластиковой оправе цвета брусники, – предлагаю я. – Она красиво дополнит нежный овал твоего лица.

– Правда? – Семра смотрит в зеркало, поворачивает головку то налево, то направо, и по выражению ее глаз я понимаю, что результат ей нравится.

– Когда будут готовы очки? – спрашиваю я у продавца.

– Завтра! Приходите после обеда, – вежливо улыбается продавец.

– Хорошо! Я сразу после окончания уроков в школе заберу очки. Моя школа тут рядом! Спасибо Вам, – благодарит меня девчушка.

А в нашем дворе между тем кипит жизнь: привезли коляску! И нарядно одетая по такому случаю Гамзе, предстала в ней перед половиной деревни, пришедшей посмотреть на это событие, в котором все приняли посильное участие.

Семра, увидев коляску с сестрой, несётся к матери с отцом, забирает у них коляску и тут же пытается опробовать её на маневренность. Гамзе безучастно смотрит в небо. Ни один мускул на ее фарфоровом лице не выдал наличия каких-либо эмоций.

«Лебедь раненый!» – в очередной раз проносится у меня в голове.

В наш петушино-цитрусовый рай незаметно пришла зима. Просто теплая осень перешла в другую стадию – мокрую, со всеми возможными природными спецэффектами: громом, всполохами молний, ураганным ветром, готовым забрать с собой мои цветочные горшки, раставленные на балконах, а напоследок – выдрать с корнем распахнутые ему навстречу жалюзи. После такого стихийного марша обычно случается полное отключение электричества в нашем раю. И вот тогда телевизор и компьютер превращаются в совершенно не нужное приложение к нашей жизни на лоне природы. А нам, жителям этого петушино-цитрусового рая, остается только одно: прильнуть лицом к светлому окошку и созерцать вершины гор, игру облаков на небе. А еще развлекаться наблюдением редких цветовых сочетаний: мохнатых серых облаков, свинцовых туч, антрацита гор, и, неожиданно выглянувшего в просвете между тучами, солнца, пролившего золотистый цвет на мрачный пейзаж.

– Зейнеб, прекрати трясти половиками с балкона, – голос Сафии срывается на визг.

Зейнеб – моя новая соседка, и с правилами совместного проживания в нашем доме пока не знакома.

– Я вытряхиваю коврик с торца дома, – настаивает на правильности своих действий Зейнеб. – Кому от этого вред?

– Всем!!! Твоя пыль летит к нам на балконы! – кричит Сафия.

– Так и земля к нам летит, когда ветер дует, – соседка не хочет слышать глас разума: у нее свои доводы на этот счет.

– Нам земляной пыли и так хватает, а тут еще и твоя...

Петух, едва слышав громогласный призыв, льющийся откуда-то сверху и позволяющий конкурировать с мощностью его легких, тут же вышел на середину двора, растрепал крылья и, гордо вытянув шею по направлению к небу, явил всему дому прелести своего вокала:

«Не забывайте-таки, кто главный в петушино-цитрусовом раю!»

Мороз ахметович

– Мне скоро Дед Мороз принесет подарки! Я у него робота попросил!

– У Дед Мороза? У нас и мороза-то нет, а мне вот подарки папа покупает: все, что я захочу!

– И мне тоже родители покупают, ну, мама и папа... А на Новый год Дед Мороз кладет подарки под елочку.

Девочка расширенными от удивления огромными темно-кариыми глазами посмотрела на мальчишку и наткнулась на его уверенный взгляд, устремленный на нее.

– Никакого Деда Мороза нет! Ты его видел? – хитро прищурившись, спросила девочка и выжидательно уставилась на мальчишку.

– Ничего ты не понимаешь! Его нельзя увидеть: Дед Мороз мчится на оленьей упряжке и забрасывает подарки в каждое окно! – от злости непонимания мальчик топнул ногой.

– Где, где он мчится, какие еще олени? В наших-то краях! – девочка нарочито громко рассмеялась.

– Он издалека едет. По небу летит! Да что с тобой говорить-то! – начал сердиться мальчик: у него закончились все аргументы.

– Ой, да ты ещё совсем маленький! Вот тебе твоя мама сказки и рассказывает, – Ясмин безглаголиво повела плечиком. – Ты – малявка!

– Я? – глаза Эмира, гневно сверкнув, наполнились слезами. – Я не маленький! Это вы девчонки ничего не знаете!

На крики детей из окон первого этажа высунулась соседка.

– О чем спор, детки?

– Он говорит, что Дед Мороз подарки приносит! – Ясмин указательным пальчиком презрительно ткнула в Эмира, который и плакал, не сдерживая слез возмущения, и злился одновременно.

– Дед Мороз? – переспросила соседка, которую дети называли просто «бабушкой», а для соседей постарше она была тетушка, тетушка Айше. Думала она недолго, махнув рукой, как будто отбилась от назойливых мух, а на самом деле, от своих мыслей, миролюбиво произнесла:

– Дед не дед, какая разница, кто подарок принесёт? Хорошо, что о тебе помнят и подарки дарят. Вот мне подарков уже лет сто никто не приносил: ни дед, ни сосед!

– Вы такая старая? – удивленно посмотрел на соседку Эмир, у которого тут же высохли горячие слезы обиды, выступившие во время спора с Ясмин, и он внимательно начал разглядывать соседку.

– Ты что, хочешь у меня третий глаз или третью руку обнаружить? – глядя на мальчика, засмеялась тетушка Айше, явив миру практически младенческий рот с удивительно белыми четырьмя передними зубами. Похоже, наличие единственных четырех зубов ее совсем не смущало и не доставляло никаких неудобств. – Да, старая и живу тут совсем одна.

– А где же ваши дети? Они уже выросли? – Эмир и Ясмин, перестав ругаться, обратили все своё внимание в сторону соседки.

– Мои дети? Дети давно выросли и разлетелись, кто куда, – усмехнулась тетушка Айше. – У них у самих уже дети подрастают.

– Улетели!!! – мечтательно протянул Эмир и посмотрел в небо, будто пытался там увидеть махающих крыльями детей тётушки Айше.

– Ты что в небо уставился? – вмешалась в мечты Эмира проворная Ясмин. – Это так говорят просто: улетел, а на самом деле, это означает, что они у-е-х-а-л-и! – последнее слово Ясмин специально растянула в длинный локомотив, чтобы до Эмира дошёл смысл сказанного ею.

– Эмир! Пора обедать! – из окна на третьем этаже высунулась мама Эмира, Таня-ханым, как называют её соседи.

– Я ещё чуть-чуть погуляю! – Эмир вдруг вспомнил о своем незаконченном споре о существовании Деда Мороза и вознамерился задержаться во дворе, готовясь окончательно убедить в своей правоте эту противную девчонку. – Мне очень надо!

– Никаких чуть-чуть! – в голосе матери послышались металлические нотки, которые мальчик сразу уловил.

– Иду, – насупился Эмир и, проходя мимо Ясмин, специально задел её плечом.

– Ты что дерешься! – сразу взвизгнула та. – Папе расскажу, как ты меня обижаешь!

– Ясмин, я все видела! Эмир тебя не ударил! – тут же вступилась за сына Таня-ханым.

– А зачем он толкается? – Ясмин надула губки и собралась потревожить окрестности залиvistым плачем.

– Эй, дочка, у меня тут шоколадка есть. Зайди-ка ко мне, – позвала девочку тетушка Айше.

Ясмин не стала ждать повторного приглашения и опрометью помчалась к ней, чуть не сбив с ног Эмира, начавшего свой подъём по лестнице.

– Мама, она меня толкнула. Я чуть не упал! – закричал Эмир.

– Ну не упал же, сынок! Иди быстрее домой. Обед уже готов! – мама Таня тяжело вздохнула.

Таня-ханым

Танечка Семёнова никогда не думала, что однажды превратится в Таню-ханым, ничто не предвещало такой метаморфозы в ее жизни, слаженной и вполне благополучной.

Родилась и выросла она в практически счастливой семье, где были и отец, и мать, где оба родителя работали и добывали средства на неуклонно дорожающую жизнь.

Вот сама жизнь -да, она трансформировалась! И из предсказуемой, и поэтому стабильной, как по волшебству, превратилась «в даму с сюрпризами»: вместо ожидаемого светлого коммунистического будущего, к которому шло советское общество по строго выверенной партией правильной дороге, жизнь, накренившись и свернув с протоптанной колеи, неожиданно для себя встретила призрак капитализма.

Призрак не только не растаял, как дурной сон, а, напротив, очень даже хорошо прижился во вчерашнем социалистическом обществе, дав вначале слабые корешочки – так сказать, прощупал почву, а затем углубился и расширился: почва оказалась весьма и весьма благоприятной для пышного системного роста, что он и не преминул сделать.

Новые порядки с новыми безграничными, на первый взгляд, возможностями, тем не менее, оказались строго ограничены возможностями кошелька каждого индивидуума. И отец Тани – индивидуум из лаборатории научно-исследовательского института природно-очаговых инфекций, находящийся в чине старшего научного сотрудника, с прилагающимися к чину спектрометрами, микроскопами и, безусловно, колбочками и пробирками для опытов, не смог переквалифицироваться из области научных интересов в область сугубо торговых отношений: близорукость сильной степени не позволила.

Близорукость, собственно, – это такой дефект зрения, когда картинка хорошо видна только на расстоянии собственного носа, а чтобы разглядеть грядущую масштабную панораму капиталистических перспектив, нужна дальновидность или дальнорукость, которой обладала Мила Сергеевна, его жена и мать Татьяны. Именно она взяла на себя задачу по переквалификации, и, устроившись торговать на рынке, изменила профессии учителя, получив новый статус, в котором начала себя гордо именовать индивидуальным предпринимателем.

А что, собственно, здесь предосудительного?

«И тут, и там работа с людьми,» – говорила она всем. Недаром раньше была парторгом и убедить могла каждого в правильности своих решений.

Теперь у всех появилась новая цель – выживать и желательно с прибылью! С этой задачей Мила Сергеевна успешно справлялась.

Таня к моменту общественных перемен окончила среднюю школу и, надо заметить, с очень средним показателем уровня знаний, который в этой связи совершенно не блистал. Кроме того, не было у нее и особо полюбившегося предмета, который мог бы определить дальнейшее движение девушки в профессию.

Семейный совет, срочно созванный Милой Сергеевной с целью выбора высшего учебного заведения для будущей абитуриентки, никак не мог прийти к консенсусу. В переговорном процессе слабый голос научного сотрудника быстро «ушел на дно», не выдержав натиска словесного потока супруги, которая настаивала на бухгалтерском образовании их явно гуманитарной дочери, не блещущей математическими способностями.

– Но, Мила, наша дочь совсем не дружит с цифрами.

– Зато она будет дружить с деньгами! – кричала бывшая учительница, освоившая новую предпринимательскую тактику: кто громче крикнет, тот и прав, – таким образом пытаясь заглушить робкие аргументы несогласных. И заглушила-таки.

Вообще, надо отдать должное Миле Сергеевне: она во всё верила истово! Как и сейчас, она была уверена в правильности своего решения. К тому же Мила Сергеевна имела твердые

принципы, согласно которым жила до подходящего момента. И пока этот момент не наступал, была в них непоколебима. Раньше – в своей вере в коммунизм и в преобладание общественного над личным. Впоследствии, когда жизнь вышла из привычного русла и вошла в новую колею, так же, не моргнув глазом, Мила Сергеевна поверила, что личное – оно всегда личное, а то, что было раньше – это был своего рода дурман! Личное – оно всегда ближе, потому что человеческая сущность такова, и зачем с ней, с сущностью, бороться, сооружая иллюзорные идеологические надстройки, готовые рухнуть даже от лёгкого сквозняка?

Но иногда мысли о призрачности убеждений человека гнали в прошлом хорошего педагога в церковь, где она пыталась усмирить свои вдруг разбушевавшиеся личные желания, прося индульгенции у бога.

И только Пал Петрович, ее муж, был беззаветно предан науке, а посему в церковь бегать не спешил – верил научным данным, полученным в ходе экспериментов и, как и в былые времена, зарывался в специализированные справочники в поисках ответов на непростые вопросы, которые ставила перед ним наука, да и жизнь по большому счету!

Танька, получившая в подарок от матери дар перевоплощения- трансформации и одновременно истовую веру, в душе мечтала о театральных подмостках и карьере актрисы. Только ее мечты были розовыми и не вполне сформировавшимися, так как что с этими желаниями делать конкретно, Танька себе не представляла. Да и привычка постоянно опираться на решения матери не позволила пойти супротив ее воли, поэтому к будущей карьере бухгалтера отнеслась терпимо, но и без особого энтузиазма. «Маме лучше знать!»

В результате всех этих перипетий попала Танька лишь на платное отделение омского филиала финансового университета: на бюджетное отделение с ее слабо выраженными математическими способностями она не прошла.

В связи с возросшими расходами на обучение студентки Миле Сергеевне пришлось срочно увеличить свои предпринимательские способности и через некоторое время превратить семейное предприятие из небольшой торговой точки на рынке в несколько ларьков ИЧП.

Семья практически перестала видеть мать дома, так как та с головой окунулась в работу.

Танька вяло осваивала бухучет, но благодаря финансовым вливаниям переводилась с предыдущего курса обучения в следующий. Пал Петрович корпел в НИИ над серьезной и очень сложной темой: «Выяснение этиологической роли новых геномовидов патогенов» – и в этой связи тоже был неимоверно занят.

Так незаметно для всех Таня закончила вуз и стала молодым специалистом, которого мама тут же устроила на работу помощником бухгалтера на предприятие к своей подруге Верочке, где Таньке, как молодому специалисту, полагалась небольшая зарплата.

«А зачем Танюшке деньги? – искренне недоумевала работодатель Верочка. – Милочка и сама семью содержит. Пусть девочка пока опыта наберётся. А приобретенный опыт обязательно будет оценен впоследствии!»

От разговоров, когда же наступит это «впоследствии», Верочка неизменно уклонялась.

Тем не менее занятость на ее предприятии вопреки минимальному финансовому вознаграждению – на косметику и колготки, – составляла практически двенадцать часов. Таньке такой рабочий расклад совсем не понравился.

– Это же несправедливо, эксплуатация какая-то получается! – попыталась она урезонить работодателя, по совместительству подругу матери.

После этого разговора она была в срочном порядке сдана на руки своей матери, а дружба с Верочкой дала трещину, размером с пропасть.

Сделать попытку номер два и устроиться на работу самостоятельно Таня пока не решалась. У нее был свой аргумент к собственному бездействию: если и с оказанной протекцией работодателя норовят тебя использовать на ненормированной работе за копейки, то если придёшь с улицы, могут и совсем не заплатить.

Мила Сергеевна попыталась ещё пару раз пристроить Танечку, и каждый раз приблизительно с тем же результатом, а поскольку и терпение небезгранично, да и подружки имеют тенденцию заканчиваться, в итоге ей пришлось отказаться от своих бесплодных затей.

И тут неожиданно для всех Таня решила проявить самостоятельность, вспомнив о своей любви к Мельпомене и нереализованной в связи с собственной нерешительностью мечте, и стала посещать курсы актерского мастерства, коих, как грибов после дождя, появилось множество.

Мать на странное решение дочери махнула рукой, таким образом своеобразно благословив, и тут же выделила нужную сумму на обучение: пусть хоть чем-то займётся – в конце концов, женщина и должна быть актрисой, это так органично ее природе.

Отец, с трудом оторвав голову от новых геномовидов, поспешил обрадоваться тому, что женщины по этому вопросу не нашли почву для разногласий, и с ещё большим энтузиазмом вернулся к патогенам, временно брошенным им на момент семейной дискуссии.

А как же Танькина личная жизнь, могла ли она протиснуться сквозь узкие рамки контроля вездесущей Милы Сергеевны? Нет, конечно, и ее личная жизнь, всегда становившаяся достоянием семейного совета, проходила мимо. Подружки каким-то образом встречали своих мужчин, все чаще оставляя Таньку в одиночестве.

И нельзя сказать, что дурна собой Татьяна, но особой красоты не обнаруживалось, той самой красоты, которая непременно должна была привести в ее жизнь настоящего принца с большими возможностями и деньгами.

«Не модель, конечно, не модель, а так ничего, вполне симпатичная девушка,» – говорили о ее внешности обычные парни, мимо которых Танька проходила, высоко задрав голову. И не потому, что были они ей совсем неинтересны, напротив, некоторые даже вполне симпатичны, но ведь непрестижно встречаться с такими заурядными мужчинами. Что ее успешные в деле охмурения престижных спутников жизни подружки скажут? А мама? Даже страшно подумать!

Сама Танька заурядной себя не считала, справедливости ради, надо отметить, что и красавицей тоже: среднего роста, светленькая, полноватенькая, аппетитная, как мама говорит. Таких много. Правда, была у Таньки одна выдающаяся деталь! И какая! Выдающимися у Таньки были ноги: длинные, выточенные в форме бутылочек, и поэтому, как говорят в народе, опьяняющие! Она эти ноги и носила торжественно, не скрывая от постороннего глаза под длинными одеждами или брюками: что зима, что лето, а Танька все в юбочках коротеньких бегает. И не то чтобы никто этих прелестей не замечал, замечали, конечно, но замечали все не те, а обычные личности, ничем не примечательные, которых семейный совет, конечно, не одобрял.

А Таньке продолжало казаться, что должен ей встретиться кто-то необыкновенный, который пока все никак не попадался в поле ее зрения.

Измученная поисками своего пути и прилагающегося к этому пути партнеру, отправилась как-то Танька на собранные семьёй деньги отдохнуть в Турцию, в пятизвёздочный отель, полагающийся приличным девушкам по статусу. И до того там Таньке понравились анимационные выступления и артисты, которые выходили на эту сцену, что решила она непременно устроиться в такую труппу. А что? Сцена для выступлений есть, вокруг мужчины-красавцы как на подбор, брутальные и харизматичные. Климат южный замечательный – это, безусловно, тоже плюс: пальмы, море, круглогодичное тепло, ни снега тебе, ни мороза, как в Омске, еды вокруг много разнообразной – шведский стол, а главное – это простор для творчества!

Мила Сергеевна с ужасом выслушала дочку, решив, что в тех краях, пока она отдыхала, ее кто-то сглазил, и отправилась в церковь за советом, как эту порчу снять или, что с ней делать? Пал Петрович, как всегда, лишь удивлённо поднял брови, на секунду оторвавшись от патогенов: жестких возражений по поводу странного желания дочери у него не было.

«Там, где все время тепло, там, должно быть, круглогодично и усиленно размножаются патогены,» – единственное, о чем он подумал.

Миле Сергеевне, оставшейся один на один со страшной перспективой потерять дочь, батюшка в церкви объяснил, что порчей в народе называют некоторые виды духовных болезней, а в данном случае речь идет, скорее, об одержимости, а вот одержимость может носить греховный характер. И посоветовал для начала поговорить с дочкой.

Воодушевленная словами батюшки, Мила Сергеевна решила, что сможет быстро, как встарь, восстановить статус-кво и вразумить расчудившуюся дочь. Но та упёрлась и не хотела слышать голос разума, т.е. матери!

Немного поборовшись, Мила Сергеевна решила: а черт с ним! (Господи, прости!) Пускай поработает на курорте заморском, похоже, дочь одержима желанием трудиться, а в этом желании никакой греховности нет! Сезон в отеле недлинный: 6 месяцев, а там, глядишь, и вернётся ее чадо восвояси.

И двадцатипятилетняя Танька отправилась на курорт с уверенностью, что покорит театральные вершины отельного Олимпа.

Прибыв на курорт и устроившись работать в анимационную группу отеля, Таня с удивлением обнаружила, что на практике все выглядит не так заманчиво, как представлялось ей из своего дома в Омске. И уж абсолютно иначе виделась ей эта работа, пока она отдыхала в отеле в прошлом году. Тепло, конечно, но летом уж слишком жарко, еды много, но рабочие перерывы, выделенные на то, чтобы поесть, чрезвычайно короткие, и в этой связи подкрепиться практически некогда, впрочем, как и поспать. Оказалось, что работа аниматоров начинается около 9 утра и заканчивается глубоко за полночь, так как «артисты» продолжают развлекать подвыпивших гостей на дискотеках. Да и репертуар местных театральных подмостков – небольшие скетчи – никак не соответствовал полученному Танькой образованию и амбициям. И ко всему прочему, язык этот тарабарский, непонятный! А английским языком Таня владела тоже не очень хорошо.

Промучившись пару месяцев на анимационной ниве, в полуобморочном состоянии Танька упала на вовремя подставленные ей руки местного фотографа Ахмета, быстро разглядевшего и оценившего зажигательные Танькины прелести, и здесь выставленные ей на всеобщее обозрение.

Ахмет-фотограф

Ахмет вырос в большой и дружной семье: мать, отец, два брата и две сестры, и непременно, прилегающая по местным традициям к основным родственникам, домашним, другая орда родственников, живущая в поселке по соседству, а еще- дальняя, проживающая в других местах, но тоже важная составляющая часть. Так уж принято в здешних краях: жить дружно и привечать многочисленные родственные связи.

Иногда такие тесные связи с дальней родней немного усложняют жизнь домочадцев, когда совершенно неожиданно в дом родителей Ахмета нагрянут дядя Ораз с женой и четырьмя обожаемым отпрысками из Аланы, и одновременно с ними – троюродный дядя Хусейн из Эльмалы с любимыми тремя детьми. Все едут с благой целью – навестить горячо любимого брата и ненаглядных племянников, поэтому никому из встречающих их в доме не придёт в голову спросить о том, надолго ли те явились, и почему не предупредили. А посему приходится ютиться всем вместе, не задавая лишних вопросов, чтобы не обидеть гостей и не намекнуть своими расспросами на то, что им пора бы восояси.

Традиции есть традиции, и они помогают в главном: когда случается что-то важное в жизни, никто один на один с бедой или с радостью не остается, потому что стыдно не помочь в горе или не разделить счастье с родственником или соседом.

И семья Ахмета тому не исключение.

Ахмет рос подвижным, неусидчивым ребенком: не обошлось без шила в одном месте, как говорят у всех народов. Он был третьим ребенком в семье, а еще имелась самая маленькая сестричка Нур – всеми любимая егоза и старшие: брат Мустафа и сестра Фатима. Мать, с утра накормив всю семью, оставляла младших детей на попечение старших и уходила заниматься хозяйством. Хозяйство внушительное: два гектара земли, из которых один гектар приходился на апельсиновые и гранатовые сады, в которых прогуливались куры и индюшки, живущие на свежем воздухе, под сенью плодовых деревьев. Устраиваясь на ночлег, домашние птицы забирались на нижние ветки деревьев, а плоды полигамной петушиной страсти несучки зарывали в верхнем слое лиственной земли. Там же, на свободе, резвились задиристые козы, а занятые своими мыслями бараны завершали картину домашнего подворья. И все они с отменным аппетитом пощипывали травку, нагуливая, кто – молочко, а кто – жирок.

Второй гектар неосвоенной земли предназначался для наследования и, порастая травой, терпеливо ожидал своего часа.

Отец семейства пахал на собственном тракторе, предлагая свои услуги и соседским хозяйствам. Этими скромными средствами, добытыми физическим трудом, и жила семья, а еще сдавали дом, доставшийся по наследству от деда, продавали фрукты и овощи, ели практически все домашнее, то, чем кормила местная земля, изредка докупая продукты в поселковом магазине.

И росли дети в семье на своих домашних продуктах, лишённых избытка химикатов, крепкими, до краев наполненными чистым горным воздухом.

Старший брат Ахмета, Мустафа, учился недурно, тягу имел к школьным предметам, и в этой связи после окончания средней школы был отправлен родителями продолжить обучение в лицее ближайшего к поселку города.

Сёстры, окончив начальную школу, были оставлены помогать матери по хозяйству, а у самого Ахмета с учебой все складывалось скверно: старания у него не хватало в освоении школьных предметов, а при выполнении домашних заданий – усидчивости. Зато любил он зачарованно и подолгу смотреть на красоту гор местных: любовался пейзажами, которые природа в здешних краях щедро разбросала пред наблюдательным взором, а порой случалось, быстро чертил что-то карандашом, делал наброски у себя в блокноте. Младшей сестричке Нур

нравились художества брата, и она часто приставала к нему с просьбой нарисовать ей диковинные фигурки воображаемых героев ее фантазий.

Время в поселке движется неспешно, как и сама жизнь: рутинная, одинаковая. Однако и она, хоть и не торопится, но идёт своим чередом. И настало время вернуться из города Мустафе, окончившему лицей, пришло время и Ахмету определиться с работой: вырос парень, нечего дома ему околачиваться по углам, мух ловить. А тут и случай удобный подвернулся: братец старший, Мустафа, захотел свой салон фотографии открыть в поселке. Хорошее дело, доброе! И отец с матерью продали часть земли: тяжело с таким большим хозяйством с возрастом справляться, а на вырученные деньги купили сыну помещение под фотоателье в самом центре посёлка. Туда же, к брату, и Ахмета пристроили, чтобы Мустафе помог и ремеслу подучился.

Ахмету занятие фотографией по душе пришлось: чем не художественное творчество? Навел объектив камеры – и вот тебе пейзаж красивый, к примеру. Только красоту эту увидеть надо сначала. А с этим у Ахмета проблем никогда не было: в обычной палке мог разглядеть красоту изгиба.

Так они и работали вместе, пока Мустафа жениться не решил. Хорошую девушку выбрал, из местных, поселковую красавицу Гамзе. Свадьбу сыграли такую, что полпоселка пришло на свадьбу, чтобы поздравить и поддержать молодых, одновременно выразив свое почтение и родителям.

Только после замужества не захотелось молодой жене дома сидеть, мужа с работы поджидая, вызвалась она ему в салоне помогать – вместе с Мустафой работать. И все бы хорошо, да часто ссориться начали братья: стала жена Мустафы на правах старшей указывать Ахмету, что ему делать, как фотографировать правильно, и в результате не ладили они, работая вместе. Ахмету не нравилось быть источником постоянных ссор – пускай молодые живут в любви и согласии. И поэтому решил Ахмет, что пришло время начать трудиться самостоятельно. Не стал он второй, конкурирующий салон открывать в поселке, а отправился в курортную зону, чтобы там устроиться на работу, арендовав в отеле помещение под услуги фотографа. Хорошие фотографии везде нужны, а туристы с удовольствием заказывают фотосъемку на память об отдыхе у моря – так рассуждал он.

Денег к тому времени у Ахмета появилось достаточно для того, чтобы заняться своим делом: успел подзаработать в салоне у брата, а недостающую сумму подкинули родители.

Начав работать в отеле, Ахмет окунулся в совершенно иной мир – мир развлечений и витринной привлекательности, в котором женщины были красивы, а мужчины -валяжны и уве-

рены в себе, в котором все время появлялись новые лица, словно Ахмет катался на весёлой карусели, и в котором жизнь была призрачно-беззаботной.

И в самом начале такой образ жизни пришелся Ахмету по вкусу! Необычные женщины с разных концов света, являлись к завтраку, обеду или ужину, и даже на пляж, одетыми так, будто каждую минуту готовы были пройти по подиуму на показе мод от известного в узких кругах кутюрье! Эти прекрасные женщины притягивали Ахмета к себе, словно магнит.

В его прежней жизни девушки, разумеется, тоже следили за собой, но на подиум выходили в редкие праздники: на свою свадьбу или на свадьбу соседки, а такие события происходят не каждый день.

И бросился Ахмет во все тяжкие. Тем более, что «тяжкое» само плыло в его крепкие руки, стоило ему только поднять свои иссиня-чёрные глаза в обрамлении длинных и таких же черных густых ресниц и предложить даме прилечь на газон отеля или принять соблазнительную позу в пенном прибое, чтобы запечатлеть нимфу. А нимфа, вернувшись в родные пенаты, будет хвастаться не только крепким южным загаром, откровенным купальником фирмы «супер-мини», но и неусыпным вниманием южных кавалеров, сошедших буквально с ума от её прелестей. Об откровении дам на этот щекотливый предмет Ахмет даже не подозревал.

Откровенная легкость и безоблачность такой жизни со временем приедается, а сквозь ширму южного темперамента, то здесь, то там начинает выскакивать восточный характер вместе с традициями, в которых вырос. А традиции эти упорно настаивают на том, что если женщина с Ахметом встречается, то должна она быть только с ним, с Ахметом! В нынешней же его, опереточной жизни, дамы сердца всегда стремятся выпорхнуть из его крепких рук, улетаая в неизвестном для него направлении, а некоторые особы даже умудряются заигрывать с другими мужчинами в присутствии Ахмета, а уж этого-то он и вовсе не может понять и стерпеть.

Именно в этот поворотный период к засомневавшемуся в правильности своей новой жизни Ахмету, почти разуверившемуся в добропорядочности чужестранок, и свалилась Танька, буквально на голову. Сам Ахмет, признаться, давно на неё заглядывался: не мог хороший фотограф пропустить эти зажигательные ножки-бутылочки, бесстыдно выставленные на всеобщее обозрение. Но дело не только в ее ногах. Ахмета влекло к Таньке что-то неуловимое, возможно, оно выражалось в странном сочетании ее неприкрытых, призывных ног с целомудренностью отрешенного взгляда задумчивых серых глаз. Именно это интересное и, казалось бы, такое нелогичное сочетание вызывало в сердце Ахмета странное беспокойство за неё и одновременно обычное мужское волнение.

А тут сама Танька пришла к нему и разрыдалась горючими серо-чёрными слезами. Вернее, сначала она рыдать не собиралась, а просто забежала сфотографироваться, и на дежурный вопрос тут же оживившегося Ахмета: «Не устала ли ты, девица, вид у тебя какой-то...» – неожиданно для себя расплакалась, впервые встретив в отеле, как ей показалось, неподдельное участие и интерес к себе.

И пожаловалась она зачем-то Ахмету на свою горькую анимационную долю, рассказала, что совсем выбилась из сил, работая практически без отдыха целый день до глубокого вечера, что спать приходится ей крайне мало, развлекаая на дискотеке гостей отеля, и что совсем не так она представляла себе работу в театральной труппе, как продолжала она высокопарно называть то, чем занималась в отеле.

Ахмет задумался, а пока думал, напоил девушку чаем, и, окинув ее колыхающуюся в рыданиях фигурку орлиным взором, твердо решил помочь. По-мужски, не тратя лишних слов, решил и сделал. Вечером того же дня пошел и поговорил с шефом этой, как называла её Танька, труппы, с которым он жил по соседству в поселке и с которым состоял в некотором отдаленном родстве: шеф был его троюродным дядей со стороны отца. О чем был разговор, Ахмет Таньке не рассказал, но на следующий день удивленная Танька была освобождена

от ночных выступлений на дискотеке по слабости своего здоровья. А через какое-то время, весьма недолгое, каким-то непостижимым для Таньки образом, она стала встречаться с Ахметом, не каждый день, конечно: каждый день они работали оба – в редкие выходные, которые после того чудесного разговора, стали ей положены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.